

СУЩНОСТЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА «ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ»

Шелестова Дилдарахон Абдисамадовна,

старший преподаватель кафедры маркетинга и рекламы
Волгоградского государственного университета; dilja80@mail.ru.

Выявлена сущность экономики, основанной на знаниях, в двух взаимосвязанных аспектах – гносеологическом (теоретическом) и онтологическом (практическом). Обоснована структура экономики знаний, включающая функционально взаимозависимые подсистемы: информационную, интеллектуальную (когнитивную) инновационную, интерактивную (коммуникационную) и институциональную. Сделан вывод о том, что институциональная система экономики знаний имеет трехуровневый характер: базовый уровень образует институты, второй – институты «экономики знаний», а третий – нормы и правила, базирующие на институтах.

Ключевые слова: знания, «экономика знаний», информация, институты, институции.

Вторая половина XX в. стала периодом перехода ведущих в экономическом смысле стран к постиндустриальному типу хозяйствования, импульсом которого стала информационно-технологическая революция и произведенные ей трансформации институциональной структуры хозяйства.

Безусловно, «со временем институциональные и иные изменения, проводимые во многих регионах мира, должны вызвать перераспределение конкурентных преимуществ, которыми ранее обладало лишь ограниченное количество наиболее развитых регионов мира. Улучшение общего институционального климата, развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры приведут к усреднению общей эффективности. И тогда в действие должны вступить другие, более тонкие факторы, как, например, уровень образования, концентрация научно-исследовательских кадров, их способность к генерированию нового знания и т.д.» [19]. Более того, производительность и конкурентоспособность хозяйствующих субъектов все в большей степени зависят «от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях» [11].

Наряду с глобализацией и регионализацией в хозяйственной системе человечества на современном этапе ее развития протекает также процесс когнитивизации, представляющий собой непрерывное «расширение

масштабов и социально-экономического и политического влияния «экономики знаний», осознание важности знаний как основного ресурса устойчивого экономического роста и страновой конкурентоспособности» [15].

Следует признать, что «экономика знаний» – явление настолько же очевидное, насколько неоднозначное. В настоящее время уже общепризнанно, что знания, образование, когнитивные технологии и интеллектуальный капитал являются основой конкурентоспособности хозяйствующих субъектов любого масштаба – от отдельных работников до международных интеграционных образований, от малых предприятий до глобальных корпораций. Вместе с тем дискуссионными остаются многие теоретически значимые вопросы, в том числе [23]:

- как соотносятся основополагающие понятия знаний и информации?
- в чем состоит специфика «экономики знаний», информационной и инновационной экономики?
- что первично: «экономика знаний» или «общество знаний»?
- является ли «экономика, основанная на знаниях», продуктом современного этапа экономической эволюции или же она в различной степени характерна для всех обществ во все исторические эпохи?
- какова структура «экономики знаний»?
- какие элементы включает институциональная система «экономики знаний» и как они взаимосвязаны?
- какие институциональные изменения необходимы для формирования в современной России «экономики, основанной на знаниях»?

Уточнение ключевого понятия «знание» является логичным началом для данного исследования. Прежде всего, знания – это результат познания, т.е. когнитивного освоения объективной действительности, представленной совокупностью эмпирических данных. Восприятие этих данных представляет собой их присвоение с помощью органов чувств, селекцию (отбор необходимых и отсеив ненужных), а затем переработку (осмысление) на основе уже имеющихся знаний и накопленного опыта. Поэтому знания не могут быть оторваны от своих носителей и являются компонентом человеческого фактора производства. При этом «взаимоотношения между данными и знаниями носят сложный и взаимообуславливающий характер. Знания выступают в качестве организующего начала для данных, но и накопление данных может стать причиной появления нового знания» [12].

Знания неразрывно связаны с информацией, однако по поводу сущности взаимосвязи этих понятий продолжаются теоретические дискуссии. Импонирует позиция Г.Б. Клейнера, считающего, что, «подобно тому, как в основе института лежит более общее понятие нормы, понятие знания базируется на более общем понятии информации. Информацию можно представлять как иерархическую совокупность данных (сведений) и знаний» [12]. Неявно данная позиция прослеживается и у М. Кастельса, считающего,

что «информация – это организованные и переданные данные» [28]. Следует подчеркнуть также наличие связи между информацией и неопределенностью. Так, по мнению А.Э. Калининой, «информация может выступать как мера, уменьшающая неопределенность знания об исследуемом объекте» [9].

Более общее, философское определение содержания рассматриваемого понятия предлагают О.В. Иншаков с соавторами: согласно их концепции, информация представляет собой «меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени (information – введение в форму) и ту меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы». Однако внешне информация проявляется, прежде всего, в форме отчужденных от индивида в ходе общественного обмена знаний [5].

Информацию целесообразно анализировать в двух аспектах – как процесс и как явление. Тогда информация (INF) выступает процессом преодоления неопределенности за счет познания имеющихся данных (D) и формой существования знаний (K), отчужденных в форме новых данных (D') (рис. 1).

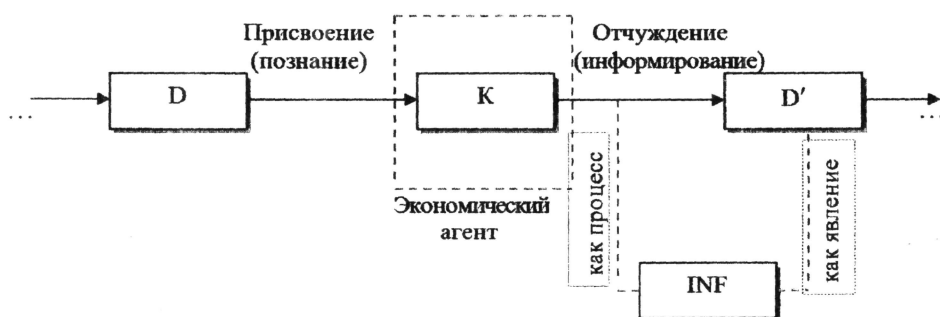

Рис. 1. Теоретическая модель взаимосвязи данных, знаний и информации

Информация – особый феномен общественного бытия и специфический фактор производства, поэтому в естественной природе информации как таковой не существует [8]. Знания, которые передаются в процессе коммуникации, выступают информацией, опредмеченной в данных. Принятая, переработанная и усвоенная информация становится знанием, но «сама по себе знанием она не является».

Являясь продуктами умственного труда, знания представляют собой объекты отношений интеллектуальной собственности, закрепляемых в «пучках» имущественных правомочий.

В системе современного рыночного хозяйства знания выступают специфическим товаром, от конкурентоспособности которого все больше зависит устойчивость экономического статуса отдельных агентов, фирм и их объединений, городов и регионов, стран и их союзов. Создание, обмен и коммерциализация знаний связаны с появлением гетерархических форм координации исследовательской и инновационной деятельности, базирующихся на репутации и доверии.

На основе расширенного воспроизводства общественно необходимых знаний происходит изменение способа производства, определяющее переход к новому механизму хозяйствования, ключевую роль в котором играет интеллектуальный капитал.

Развитие хозяйства на современном этапе связано с непрерывным возрастанием роли нематериальных активов, к которым в первую очередь, относятся знания. Противоречивое становление нового способа общественного производства затрудняет его теоретическую характеристику. Как замечает В.Л. Макаров, «теперь термин «экономика знаний» употребляется для обозначения типа экономики. Близкие понятия: инновационная экономика, высокотехнологическая цивилизация, общество знаний (knowledge society), информационное общество. Граница размыта, классификация и стандарты – в процессе формирования» [16].

Наибольшее распространение получили концепции, характеризующие современную стадию экономической эволюции как переход в «информационную эпоху», формирование постиндустриальной, виртуальной, «электронной», «новой» экономики и «экономики знаний». При всей специфичности этих концепций, все они направлены на определение особенностей возникающего нового способа производства. Приведем показательный пример: «Новая экономика – совокупность отраслей, характеризующихся большим вкладом человеческого капитала по сравнению с материальными элементами... Ее называют еще информационной экономикой, экономикой, основанной на знаниях, – но каждое из этих определений частично».

Понятие «новой экономики» основывается на противопоставлении старого и нового, что не соответствует принципам диалектической теории развития, поскольку любое новое относительно в пространстве и во времени.

Совершенно справедливо, что теоретические модели современного состояния глобализирующейся хозяйственной системы в основном являются частичными, аспектными, акцентируя усилившееся значение отдельных факторов общественного производства (информации, знаний и т.д.). Именно в этом состоит внутренняя противоречивость всех этих концепций.

Так, теории «постиндустриальной» экономики свойственен определенный антиисторизм, игнорирующий значение индустриальных элементов как базиса нового технологического уклада. Однако «возникает вполне закономерный вопрос: если существует и намечается столь жесткая конкуренция внутри высокотехнологической постиндустриальной экономики, то каковы перспективы индустриальной экономики в условиях глобализации? Совершенно очевидно, что индустриальная система не исчезает вообще и не растворяется полностью в последующей экономической системе. Она функционирует, как и ранее, но уже будучи менее стационарной в географическом распределении» [19]. Следовательно, элементы индустриальной системы хозяйствования и связи

между ними продолжают воспроизводиться и в условиях доминирования технологий постиндустриального типа, но играют все меньшее значение для конкурентоспособности и устойчивости экономики.

Концепция «информационной экономики» теоретически отражает и интерпретирует результаты информационно-технологической революции (1990-е – нач. 2000-х гг.), связанной с развитием сети Интернет и обеспечившей прогресс дистанционных форм экономических взаимодействий на основе технологий интерактивной коммуникации, поскольку «экономическое влияние Интернета в последнее время связано с сокращением трансакционных издержек разного рода» [20].

Произошло мощнейшее расширение масштабов информационного пространства, которое непрерывно наполняется все новыми и новыми данными. Однако проблема информационной асимметрии не только осталась не решенной, но и усугубляется. Экономические агенты буквально «тонут» в потоках информации, что повышает значение технологий ее селекции и экстракции, стимулируя возникновение новых категорий работников информационного труда, занятых преимущественно рутинной обработкой данных. Тезис «кто владеет информацией, тот владеет миром» морально устарел. При этом «информационные технологии все больше становятся просто фактором производства или ресурсом, необходимым для сохранения конкурентоспособности, но недостаточным для получения преимущества» над конкурентами в стратегической перспективе [10].

В результате фокус внимания ученых и практиков объективно сместился с информационно-коммуникационных технологий как средства передачи информации на знания как главный фактор производства интеллектуальной продукции.

Поскольку знания являются компонентом человеческого капитала, концепция «экономики знаний» фактически смещает акцент экономической теории и практики на человека. В условиях неуклонного стремления доли физического труда к минимуму приоритетное внимание теоретики «экономики знаний» обращают, естественно, на работников умственного труда. Происходит постепенное преодоление технологического детерминизма в экономической науке в связи с пониманием роли человеческого фактора в эффективности использования коммуникационных технологий как средства передачи информации: ведь любые «ЭВМ хороши лишь настолько, насколько хороши их операторы». Содержанием «электронной экономики» в «цифровую эпоху» все же являются реальные экономические отношения людей и их групп. Можно сказать, что общество станет подлинно информационным только когда люди научатся превращать биты в калории.

В настоящее время термин «экономика знаний» наиболее часто «используется для определения типа экономики, в которой знания играют решающую роль, а производство знаний является источником роста экономики» [18].

Анализ различных подходов к определению «экономики знаний» позволяет рассматривать ее в двух взаимосвязанных аспектах – онтологическом (от греч. *ontos* – сущее) и гносеологическом (от греч. *gnosis* – познание), т.е. в единстве бытия реального явления и его научного отражения.

Онтологически «экономика знаний» (англ. *knowledge economy, knowledge-based economy*) представляет собой сложный многоуровневый самоорганизующийся комплекс экономических отношений агентов производства, обращения и потребления знаний.

Гносеологически «экономика знаний» («*economics of knowledge*») рассматривается в качестве концептуальной модели современной хозяйственной системы инновационного типа, основанной на приоритетной роли человеческого фактора высококвалифицированного умственного труда.

Интегральной функцией «экономики знаний» является повышение качества удовлетворения непрерывно возрастающих общественных потребностей за счет создания новых знаний, их апробации, внедрения и диффузии нововведений в факторах, процессах и продуктах хозяйственной деятельности.

В своем концептуальном докладе В.Л. Макаров выделяет три принципиальные особенности «экономики знаний».

1. Дискретность знания как продукта. Конкретное знание либо создано, либо нет. Не может быть знания наполовину или на одну треть.

2. Знания, подобно другим общественным (публичным) благам, будучи созданными, доступны всем без исключения.

3. По своей природе знания представляют собой информационный продукт, а информация после того, как ее потребили, не исчезает, как обычный материальный продукт [14].

Понятия «общество знаний» и «экономика знаний» соотносятся как общее и особенное. Безусловно, правомерен вопрос: «Имеет ли смысл стремление построить общество знания, в то время как история и антропология свидетельствуют, что с самой глубокой древности все общества, вероятно, были – каждое по-своему – обществами знания?». И это действительно так. Не случайно Ф. Бэкон еще в XVII в. обосновал, что «знание и могущество человека совпадают» [2]. Но знания как компонент человеческого фактора могли выдвинуться на место главной движущей силы общественного производства только в условиях радикального сокращения роли физического труда и массовой интеллектуализации общественной жизни, что характерно для современной стадии развития хозяйственной системы человечества.

«Экономика знаний» понимается нами как актуально формирующийся продукт эволюции системы общественного разделения труда. Поскольку знания не могут быть оторваны от их носителей, то «экономика, основанная на знаниях», предполагает особую систему социальной стратификации, обеспечивающую высокий статус научных работников, корпоративных

исследователей, изобретателей и экспертов, а также других экономических агентов и структур, выступающих во взаимосвязанных ролях изобретателей, новаторов, инвесторов, консультантов, производителей, потребителей, продавцов, посредников, покупателей и регуляторов, действуя на «арене обмена знаниями между общественными группами» [12].

Структура «экономики знаний» включает следующие функционально взаимосвязанные подсистемы (рис. 2):

- информационная подсистема, представленная динамично меняющимся массивом данных (агрегируемых в базах и хранилищах), который выступает совокупностью ресурсов производства знаний;

- интеллектуальная (когнитивная) подсистема, которую составляют агенты, технологии, институты и механизмы «отбора, восприятия и интерпретации информации <...>, а также переработки этой информации для экстракции и хранения знаний» [12];

- инновационная подсистема, реализующая многоэтапное, многоканальное внедрение новых знаний в сферу производства и создание продукции с новыми свойствами, обеспечивающими удовлетворение новых потребностей;

- интерактивная (коммуникационная) подсистема, обеспечивающая взаимодействия (*interactions*) экономических агентов посредством различных способов обмена информацией. Одним из таких механизмов является рынок и «мы только начинаем понимать, сколь хитроумна коммуникационная система, ...которую мы называем рынком и которая оказывается более эффективным механизмом для переработки рассеянной информации, чем все, что сознательно делает человек» [24]. Наряду с рынком существуют альтернативные и комплементарные (дополнительные) механизмы информационных взаимодействий, обеспечивающие движение потоков данных по иерархическим и сетевым каналам с помощью информационно-коммуникационных технологий;

- институциональная подсистема представлена интегрированной системой институций, организаций, институтов, статусов, ролей, норм, правил, стандартов, процедур, соглашений (конвенций) и контрактов, обеспечивающих оптимизацию уровня транзакционных издержек совместной деятельности агентов экономики.

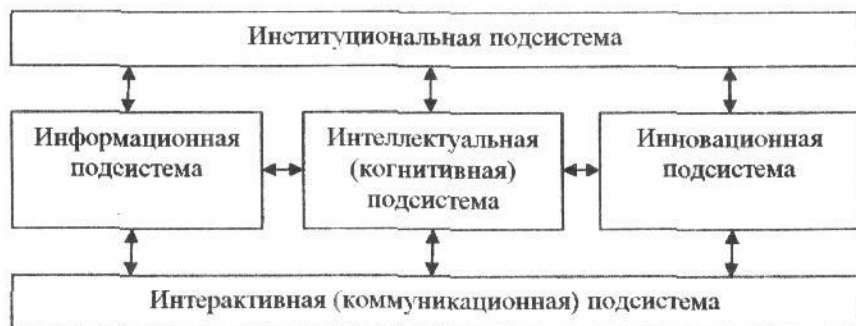

Рис. 2. Структура «экономики знаний»

В «экономике знаний» интенсивно «происходит не только увеличение численности работников умственного труда, но также интеллектуализация множества видов профессиональной деятельности» [25], которая «требуется новых форм своей организации. Она обуславливает необходимость появления новых экономических и политических институтов» [1], образующих базис институциональной подсистемы «экономики, основанной на знаниях». Поскольку данная подсистема, в свою очередь, обладает системными свойствами, допустимо рассматривать ее как институциональную систему «экономики знаний».

Таким образом, под «экономикой знаний» целесообразно понимать: в теоретическом (гносеологическом) аспекте – модель хозяйственной системы инновационного типа, базирующейся на высококвалифицированном умственном труде, коммерчески значимых знаниях, образовании и интеллектуальной собственности; в практическом (онтологическом) аспекте – сложный комплекс экономических отношений субъектов, задействованных в сферах производства, обмена и потребления знаний в качестве ресурсов, факторов производства и товаров.

Структура «экономика знаний», на наш взгляд, включает пять взаимосвязанных подсистем: информационную, интеллектуальную и инновационную, образующие «ядро» экономики, основанной на знаниях, а также интерактивную и институциональную, обеспечивающие инфраструктурное сопровождение процессов создания и распространения знаний в экономической среде.

Становится необходимым научное обоснование процесса формирования системы институтов экономики знаний в России. Уже появились пионерные работы О.С. Белокрыловой, М.В. Власова, Е.Н. Дедюкиной, Г.Б. Клейнера В.Л. Макарова, Е.В. Попова, М.М. Скореева и др., в которых рассматриваются сравнительные характеристики институтов и знаний, освещается система экономических институтов производства новых знаний, раскрывается специфика институциональных структур «экономики, основанной на знаниях».

Российский экономист Клейнер Г.Б. проводит тонкую «аналогию между институтами как системами укоренившихся норм поведения и знаниями как системами общественно признанных норм восприятия, структурирования, оценки и интерпретации информации». Закономерно, что в его совместной работе с В.Л. Макаровым обосновывается ключевой тезис: «для создания, распространения и использования знаний как актива в современной экономике, уже в существенной степени базирующейся на знаниях, необходима соответствующая система институтов» [15]. Тем самым формируется представление о динамичной системе прямых и обратных связей между знаниями и институтами в современной экономике. Знания – неотъемлемый компонент человеческого капитала наряду с навыками, компетенциями, опытом и т.д. [21]. При этом все индивиды как агенты

человеческого капитала параллельно выступают и агентами различных институтов. Эффективность институциональных систем зависит от полноты и качества знаний ее агентов.

Необходимо признать, что институциональные аспекты развития «экономики знаний» являются крайне важными для интенсификации и повышения эффективности этого эволюционного процесса, именно поэтому, точка зрения В.Л. Макарова очевидна: «одной из важных предпосылок становления и развития новой экономики является зрелость и устойчивость институциональной среды. Более того, необходимы механизмы, позволяющие постоянно развивать институты, стабилизирующие и регулирующие среду новой экономики. К ним в первую очередь относятся права интеллектуальной собственности, эффективное использование стандартных прав собственности в сфере нематериальных активов, часто существующих только в информационной, цифровой реальности» [14].

Следует признать, что вместе с новыми способами передачи информации и технологиями дистанционной коммуникации в современную «информационную эпоху» возникло огромное количество новых профессий, сложились специфические модели транзакций, резкой трансформации подверглось нормативно-правовое поле хозяйственной деятельности. Центральное место в «постиндустриальном» воспроизводстве отведено «институтам знаний», к которым, прежде всего, относятся фирмы, функционирующие в сфере высоких технологий и наукоемкого производства, а также учреждения науки и образования, разного рода консалтинговые, рейтинговые, маркетинговые и другие агентства. Институты «экономики знаний» призваны обеспечить прочное соединение и устойчивое взаимодействие субъектов хозяйствования по поводу создания, распространения, обмена и использования знаний, их капитализации и коммерциализации в формах, востребованных рынком инноваций.

Методологически значимой признанется трактовка инновационных систем как систем институтов. Такого подхода при анализе Национальной инновационной системы придерживается Л.М. Гохберг, понимая ее как «совокупность различных институтов, которые совместно и каждый в отдельности вносят свой вклад в создание и распространение новых технологий, образуя основу, служащую правительствам для формирования и реализации политики, влияющей на инновационный процесс. Как таковая – система взаимосвязанных институтов, предназначенная для того, чтобы создавать, хранить и передавать знания и навыки, определяющие новые технологии» [4]. Тем самым фактически акцентируется эндогенный характер институционального фактора развития «экономики знаний». Вместе с тем, необходимо отметить объективную ограниченность представления инновационных систем исключительно как систем институтов. Таким образом, за рамки инновационных процессов в экономике неявно выводятся их агенты, применяемые ими материалы и используемая информация, что не способствует повышению системности отражения реальной

действительности экономики знаний в научных понятиях и категориях.

Институциональные аспекты инновационной деятельности проявляются в ее слабой определенности и кумулятивном характере, специфических активах и неявных знаниях агентов, значительном потенциале оппортунистического поведения, росте сложности транзакций, углублении специализации и стратификации, высоких издержках измерения многомерных качественных характеристик инноваций и проблематичности фиксации прав авторства на открытия и изобретения, а также связаны с влиянием неформальных ценностей, скрытых интересов и мотивов на процесс коммерциализации нововведений. В широком смысле инновация есть «результат взаимодействия между различными акторами инновационного процесса, чьи действия определены институциональной средой» [3], но также внутренне детерминированы их статусами, нормами, правилами, ценностями, стандартами, стереотипами поведения и другими значимыми моментами, изучение которых важно для адекватного понимания институционального содержания экономики, основанной на знаниях.

Поскольку в современных условиях «инновация становится интерактивным процессом, часто вовлекающим пользователей наряду с производителями» [26], то знания, предпочтения, интересы, организация, культура и мотивы обеих сторон трансфера инноваций также имеют большое значение для его хода и результатов [27]. Важно по достоинству оценить позицию ученых, по мнению которых «инновация – это особый случай транзакции» [22], в связи с чем экономисты все чаще обращаются к изучению институционального компонента инновационной деятельности, в том числе возникающих *ex ante* и *ex post* транзакционных издержек. Институциональный анализ инновационных процессов позволяет глубже понять их «внутренние течения», связанные с лоббированием и кооперацией, соглашениями и сговорами, скрытой конкуренцией и стремлением к монополии, противоречием реальных и демонстрируемых интересов, созданием входных барьеров на рынках инновационной продукции и т.д. Это особенно важно в условиях «экономики знаний», которая «побуждает профессиональные и производственные ассоциации дополнить традиционный перечень функций (которые можно назвать институциональными), новыми задачами и функциями, связанными с управлением знаниями» [17].

Аналогично тому, как информация выступает формой существования отчужденных знаний, нормы являются формами проявления институтов в экономической реальности. Однако новые институты возникают на базе сложившихся норм, как и новые знания создаются на основе существующей информации. Но основой институтов «экономики знаний» выступают институты информационной, интеллектуальной и инновационной деятельности. Поэтому институционализацию «экономики знаний» только в первом приближении можно понимать как «ее упорядочение на основе общепризнанных норм и правил» [13].

«Ядром» институциональной системы «экономики, основанной на знани-

ях» являются, согласно приведенной модели, когнитивные институты – общественные функции и виды деятельности агентов производства и распространения новых знаний, на основе которых формируются и функционируют специализированные организации. «Экономика знаний» характеризуется конкуренцией и кооперацией между организациями, создающими и распространяющими знания, такими как университеты, научно-исследовательские институты, консалтинговые фирмы, проектные организации, бюро технологического трансфера и другими, совместно формирующими инновационно ориентированную культуру хозяйствования. Когнитивные институты выступают фактором инновации, приращения знаний, тогда как институты выполняют функцию рутинизации, укоренения знаний в общественном экономическом сознании на основе их селекции, отбора рыночной хозяйственной практикой. Одной из важнейших институций «экономики знаний», обеспечивающей минимизацию общих транзакционных издержек, является инновационное посредничество [6].

Институты выступают сложным транзакционным фактором, объединяющим позитивные эффекты институции и организации [7]. Чтобы формальные правила (законодательные акты федерального и регионального уровня) эффективно заработали, у них должен быть институционально-экономический базис – система институций и организаций интеллектуальной деятельности, сформировавшихся в процессе общественного разделения труда и его кооперации. Институты «экономики знаний» можно понимать как функционально-структурные модели экономических отношений ее агентов, связанных с производством, распределением, обменом и потреблением знаний. Основная роль институтов «экономики знаний» состоит в минимизации транзакционных издержек и институциональных рисков информационной, интеллектуальной и инновационной деятельности, в том числе в процессе капитализации и коммерциализации их результатов посредством установления интегрированной системы правил, норм, требований и санкций.

Процесс формирования системы институций и организаций, в совокупности образующих институты, ориентированные на обеспечение минимизации транзакционных издержек создания, селекции, рутинизации, накопления и сохранения знаний посредством взаимосвязанных норм, правил, стандартов, регламентов и режимов понимается как институционализация «экономики, основанной на знаниях».

Отметим в качестве вывода, что институциональная система «экономики знаний» имеет трехуровневый характер:

- первый, базовый уровень образуют институции, т.е. общественные функции и виды деятельности, закрепленные за рыночными агентами, участвующими в производстве, распространении и обмене знаний;
- второй уровень формируют непосредственно институты «экономики знаний», которые объединяют институции и организации, в которые

включены агенты интеллектуальной и инновационной деятельности. Поэтому такие институты можно понимать и как функционально-структурные модели экономических отношений, объектами которых являются знания, выступающие ресурсами, факторами или результатами производства. Специфичность институтов экономики, основанной на знаниях, заключается в том, что они преимущественно имеют сетевой характер;

- третий уровень рассматриваемой системы образуют нормы и правила, базирующиеся на институтах и создающие рамки их функционирования.

Перспективные направления развития «экономики знаний» в России связаны, прежде всего, с построением всех трех уровней ее институциональной структуры как путем копирования институтов более развитых стран, так и за счет их «выращивания» в отечественной бизнес-среде.

Список источников

1. Бузгалин, А.В. Россия в глобальной экономике знаний трансформаций: контексты и альтернативы [текст] / А.В. Бузгалин // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6, № 1. – С. 27 – 39.

2. Бэкон, Ф. Новый Органон. Афоризмы об истолковании природы и царства человека. Сочинения: в 2 т. Т. 2. [текст] / Ф. Бэкон. – М.: Мысль, 1978. – 575 с.

3. Валиева, О.В. Стратегические и институциональные альтернативы инновационных компаний [текст] / О.В. Валиева // Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес / под ред. Р.М. Нуреева. – Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2006. – 512 с.

4. Гохберг, Л.М. Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» [текст] / Л.М. Гохберг // Вопросы экономики. – 2003. – № 3. – С. 26 – 44.

5. Иншаков, О.В. Информационное развитие экономики региона [текст] / О.В. Иншаков, М.Ф. Мизинцева, А.Э. Калинина, Е.А. Петрова. – М.: Финансы и Кредит, 2008. – 296 с.

6. Иншаков, О.В. Институциональные аспекты инновационного посредничества [текст] / О.В. Иншаков, И.О. Мосейко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. – 2005. – № 9. – С. 65 – 72.

7. Иншаков, О.В. Экономическая генетика и нанозкономика [текст] / О.В. Иншаков – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 94 с.

8. Иншаков, О.В. Экономическая генетика как методологическая и теоретическая основа нанозкономического анализа [текст] / О.В. Иншаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. – 2008. – № 1(12). – С. 5 – 13.

9. Калинина, А.Э. Развитие информационного пространства региональной

хозяйственной системы (на примере рынка труда и занятости) [текст] / А.Э. Калинина. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 360 с.

10. Карр, Н.Дж. Блеск и нищета информационных технологий: Почему ИТ не являются конкурентным преимуществом [текст] / Н.Дж. Карр. – М.: Издательский дом «Секрет фирмы», 2005. – 176 с.

11. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [текст] / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

12. Клейнер, Г.Б. Эволюция институциональных систем [текст] / Г.Б. Клейнер. – М.: Наука, 2004. – 240 с.

13. Кондрат, И.Н. Экономическая безопасность производства образовательных услуг и ее институциональное обеспечение [текст] / И.Н. Кондрат. – СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 136 с.

14. Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России [текст] / В.Л. Макаров // Вестник Российской академии наук. – 2003. – Т. 73. – № 5. – С. 450 – 461.

15. Макаров, В.Л. Микроэкономика знаний [текст] / В.Л. Макаров, Г.Б. Клейнер. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2007. – 204 с.

16. Макаров, В.Л. Экономика знаний: уроки для России [текст] / В.Л. Макаров // Экономическая наука современной России. – 2003. – Экспресс-выпуск. – № 1(11).

17. Плотинский, Ю. Гл. 1. Современные тенденции развития процессов кооперации и сотрудничества [текст] / Ю. Плотинский // Сообщества практики для инновационных компаний. СПб.: RusMeco, 2007. – 189 с.

18. Попов, Е.В. Эволюция институтов миниекономики [текст] / Е.В. Попов. – М.: Наука, 2007. – 542 с.

19. Сергеев, В. М. Ворота в глобальную экономику [текст] / В.М. Сергеев / Пер. с англ. – М.: ФАЗИС, 2001. – 464 с.

20. Спенс, А.М. Передача сигналов в ретроспективе и информационная структура рынков [текст] / А.М. Спенс // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. V. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. В 2 кн. Кн. 2 / сопред. науч.-ред. совета Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов; отв. ред. Г.Г. Фетисов. – М.: Мысль, 2005. – 813 с.

21. Сухинин, И.В. Человеческий капитал и общество [текст] / И.В. Сухинин // Введение в институциональную экономику: учеб. пособие / под ред. Д.С. Львова. – М.: Экономика, 2005. – 639 с.

22. Уэлборн, Р. Деловые партнерства: Как преуспеть в совместном бизнесе [текст] / Р. Уэлборн, В. Кастен. – М.: ООО «Вершина», 2004. – 336 с.

23. Фролов, Д.П. Институциональный фактор развития «экономики, основанной на знаниях» [текст] / Д.П. Фролов, Д.А. Шелестова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика, Экология. – 2009. – № 1 (14). – С. 6 – 14.

24. Хайек, Ф.А. Претензии знания [текст] / Ф.А. Хайек // Мировая

экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. V. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. В 2 кн. Кн. 1 / сопред. науч.-ред. совета Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов / отв. ред. Г.Г. Фетисов. – М.: Мысль, 2004. – 767 с.

25. Черкашина, Т.Ю. Субъекты экономики знаний: ролевые позиции среднего класса [текст] / Т.Ю. Черкашина // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 1. – С. 97 – 112.

26. Carlsson, B. Technology transref in United States universities [текст] / B. Carlsson, A.-Ch. Fridh // J. of Evolutionary Economics. – 2002. – Vol. 12. – № 1 – 2. – P. 199 – 232.

27. Carlsson, B. On the nature, function and composition of technological systems [текст] / B. Carlsson, R. Stankiewicz // Journal of Evolutionary Economics. – 1991. – Vol. 1. – № 2. – P. 98.

28. Castells, M. The Rise of the Network Society [текст] / M. Castells // The Information Age: Economy, Society and Culture. – Maiden; Oxford: Blackwell, 1996. – Vol. 1. – 556 p. – P. 38.